

Зв. Казань - 1992 -
- 23 сент.

Диас ВАЛЕЕВ:

«Я писал эту книгу 14 лет...»

Предлагаем вам интервью с известным писателем, нашим земляком Диасом ВАЛЕЕВЫМ.

Диас Назихович, как сегодня живет писателю!

— Непросто. Вот у меня машинка. Довольно хрупкая. Недавно печатал, слишком эмоционально ударил по клавише и сломал букву «В». За ремонт отдал 150 рублей.

— За одну букву!

— Да. А я всего сейчас зарабатываю 400—500 рублей в месяц.

— Но это невозможно — жить на такие деньги.

— А кому сейчас легко? Это общие проблемы, общие беды.

Нынешнее наше состояние можно назвать модернизацией тех ужасных условий, в которых всегда находился российский писатель. И всегда, тем не менее, писал. И сейчас пишет. Несмотря на то, что мы катимся в пропасть, и конца ей еще не видно. Но, быть может, как раз сейчас рождается великая литература, великая новая духовность. На крутом изломе истории, на крутых контрастах наша бывшая Родина может дать в духовной области, в духовной сфере нечто оригинальное, очень большое. Что будет нужно всему миру — и сытому западному миру тоже.

— Как повлияла перестройка и ее последствия на ваше личное творчество?

— Новая жизнь дала мне какие-то сюжеты. Вот закончил недавно трагифарс «Карликовый буйвол». Он заставил меня думать о чем-то, о чем, быть может, я раньше не думал. Но в принципе мой строй мышления несколько не изменился. Как я раньше был в оппозиции к общему хору мнений и взглядов, так и сейчас...

— У вас в последние годы появились новые работы!

— Книжки пишутся как-то незаметно. И так полудилось, что сейчас сразу несколько рукописей в разных жанрах подошли к своему завершению, к финалу. Главная из них — роман-эссе «Третий человек, или Небожитель».

— О чем он?

— Это новый взгляд на развитие человечества. Совершенно новая

мега-философия или, другому, универсалистская философия. Если говорить условно, то человечество я рассматриваю в виде трехступенчатой ракеты. Работает сначала первая ступень, потом вторая, потом третья. Миллионы лет человечество развивалось, двигалось вперед на первой ступени — на микроизме, на микроэнергии человека, направленной в основном на защиту своих интересов.

Несколько тысяч лет — шесть, семь, восемь — когда появились нации, классы, государства, религии, работала вторая — макроступень. То есть произошло переклочивание двигателей. Человек уже думает не только о своих эгоистических интересах, но в целом, скажем, о своем государстве, своей нации.

А вот сейчас, я считаю, ресурсы первой и второй ступени полностью исчерпаны. И должно произойти переклочивание на мега-ступень. Если не случится этого — «ракета упадет», движение прекратится, человечество исчезнет в этом огромном мире.

Моя книга «Третий человек...» — она о мега-человеке или о бого-человеке, способном стать представителем всего человечества, всей планеты Земля. Книга — попытка сделать первый рисунок новой философии, новой религии.

— Как ваша философия соотносится с другими учениями!

— Универсалистская философия, как я ее представляю, ничего не отталкивает из прошлого опыта, ничего не зачеркивает из того, что было, все вбирает в себя. Она находит свое место, свою ячейку и христианству, и исламу, и индустриальной церкви Даниила Андреева, и коммунизму, и движению ивановцев, которое сейчас, например, так популярно в Казани... То есть путь в мега-состояние может быть различным: через традиционные религии, через различные социальные учения, через творчество, через экологическое движение...

— Вы долго работали над этой книгой!

— Первые, основные, идеи пришли, еще когда я был молодым. Но в 69-м году произошла катастрофа — погибли, сгорели все мои рукописи, все, что было написано за 13 лет...

— А говорят, что рукописи не горят...

— Это вранье! Прекрасно горят.

— Как же все произошло!

— Это долго рассказывать. В 60-х годах я работал в «Комсомольце Татарии». И очень много писал рассказов, повестей, которые, правда, откладывались публиковать. И вот в 69-м меня вызвали в КГБ, и несколько дней четыре человека «обрабатывали», кричали, что я очерняю нашу прекрасную действительность. После этого, боясь за свои рукописи, я спрятал их. Но сарай, куда я перенес ночью два тяжелых рюкзака, через несколько дней сгорел...

— Очень подозрительно!

— До сих пор не знаю, случайность это или... Но помню, как я копался в головешках. Я пришел на это пепелище одним человеком, а ушел другим. Я лишился написанного мной за 13 лет жизни — и одновременно лишился страха. Что меня могло испугать теперь в этом мире? Я в тот миг мог бросить на кон собственную жизнь. Пройдя через уничтожение своего труда, части своей души, я уже не жалел себя, не жалел ничего. Так что, с одной стороны, это была трагедия, а с другой — в те минуты, в том ополыхавшем огне произошла моя закалка.

— А когда вы все-таки вернулись к своему философскому труду!

— В 78-м году сделал вторую попытку. И потратил на нее еще 14 лет. Всего вначале было написано полторы тысячи страниц. Это два серьезных тома.

— Но их же невозможно издать сейчас! Тем более философскую работу — это же не детектив, не «Ангелина»...

— Да, пришлось сократить рукопись на треть. Стал пытаться издать ее. Решил понаде-

яться на случай, на человеческую помощь. Я уже убедился в отзывчивости людей. Как-то в статье обмолвился, что у меня нет денег платить машинисткам за перепечатку рукописей. И позвонила женщина: Берта Александровна Корнилова, в прошлом актриса; муж ее Виктор Иванович — в прошлом театральный художник... И перепечатала большую рукопись «В омуте босовства и смуты» — анализ сегодняшней ситуации, прогнозы, пророчества... Но она помогла не только напечатать, она мне помогла моральной поддержкой. В наше коммерческое, ужасное время она совершила джр бескорыстной помощи.

— Мы в «Вечерке» знаем, что таких людей много...

— И вот, когда я стал искать возможности для издания, я решил, что сначала обращусь к властям: помогите издать книгу. Если сорвется — обращаюсь к народу Татарии. Если не получится и тут, напишу литературное завещание, оформлю рукопись и отдам в архив — с обращением уже не к нынешнему населению Татарии, а к будущему.

И я обратился к первым лицам республики. Сказал им прямо: «Я написал великую книгу. Вот рукопись — смотрите, читайте. Помогите издать ее».

Они поняли и поверили. И приняли решение — издать.

Татарское книжное издательство объявило в газетах о том, что оно приступило к подготовке к печати книги «Третий человек, или Небожитель» и принимает заявки на нее.

Пользуясь случаем, обращаюсь к своим землякам, к единомышленникам. Буду рад, если вы засыпаете Таткингиздат и Таткинготорг заявками на эту книгу! А когда издадим ее — хоть расстреливайте меня... Ведь счастье художника, мыслителя — это возможность вовремя издать то, что сделал.

Справка «ВК»: адрес Таткингиздата (и Таткинготорга тоже): 420084, Казань, ул. Баумана, 19.

— Диас Назихович, как вы думаете, вас поддержат наши читатели? У каждого сегодня столько своих хлопот...

—...И конверт или открытка стоят недорого. Тем не менее — надежда у меня есть. На жанди. Без них культура сейчас вообще бы перестала существовать. Посмотрите, кто в зрительных залах, театрах, на концертах, в картинных галереях? Расчет и на молодежь. Им нужны новые, с размахом идеи. А мне — ученики, последователи, «развиватели». Надеюсь еще на людей моего поколения, которые уже пожили, кое-что узнали.

Я пишу для всех — для татар, русских, украинцев, чувашей, башкир, евреев — всех... Моя книга — о человечестве и для человечества.

А потом — сегодня я татарин, а завтра? Вам, астрологи, кстати, подсчитали, что я в этом двухтысячелетии уже дважды рождался — и оба раз почему-то на Кубе. В первый — еще до открытия Колумбом Америки. То есть, может быть, раньше я был индейцем, потом — испанцем. А в будущем, может, стану каким-нибудь папуасом или французом... (смеется).

Поэтому я пишу и для них.

— Вы не боитесь, что многие не поймут книгу «Третий человек, или Небожитель»!

— Может быть. Хотя я писал ее в расчете на широкого читателя — условно говоря, от дворника до академика. Но любая мысль, резко отличающаяся от общепринятой, всегда трудно воспринимается. Не поймут сегодня — поймут завтра.

Вот смотрите — Германия конца XVIII — начала XIX века. Раздробленные княжества и земли. И не такая вроде уж была потребность в культуре у народных масс. Но появились Гегель, Фихте, Шопенгауэр, Кант... Сложнейшие тексты, которые, быть может, были нужны и понятны буквально единицам. Но немецкий народ в лице своих издателей, политиков той поры нашел возможность опубликовать эти сложнейшие тексты... И сейчас мы понимаем: что представляла бы Германия без них?

— Разрешите пожелать вам удачи.

— Я играю ва-банк. И о том, проиграю я или выиграю, вы узнаете...

Беседовала
Е. ЧЕРНОБРОВКИНА.